ПОИСКИ И ДИКТУЕТ ВРЕМЯ

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЗИМА ЛЕНИНГРАДА

Активный сезон в Ленинграде начался поздно. В сентябре, октябре и даже в начале ноября театры в основном эксплуатировали старые спектакли и ждали, в многочисленных интервью информировали о своих намерениях. В ноябре начали проявляться первые ростки, а декабрь уже целиком был отличен премьерной лихорадкой — случалось, каждый, когда домашние начинались чуть ли на каждодневно, и центром методы на театра в театр, боясь пропустить что-нибудь важное, бегали в гости и сходили на мечтений в другом. Потом наступило изобилие спектаклей. Видимо, зрители на создавшейся перенасыщенной, чтобы поправить на ней увлеченным, провести в порядке потом театральные впечатления.

Впечатлений на репертуар. В чем основные новобранцы этого года в ленинградском. Что же, драматургия распоясывает неожиданно «сонатных» бодрящих, и вполне понятно, что театры часто обращаются в произведениям советской классики. В этом есть и определенный «культурный предохранитель» — время настойчиво выдвигает в значение такие произведения прошлых лет, которые могут в как бы большую изящную и художественную проблематику, актуальную в сегодня. Вспомним, например, «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского, которая в середине пятидесятых годов обрела поистине второе сценическое рождение. Она подвела прошлое по всей стране, ставилась на публикою.

С большим успехом шла в три-

Советская культура

2 стр. 14 марта 1964 г.

дцатых годах на сцене Академического театра драмы имени А. С. Пушкина «Бронепоезд 14-69». Поле обращение коллектив к пьесе А. Корнейчука предвещало много интересного. Однако спектакль не стал художественным событием. Можно понять Чехлин драматурга, который счел необходимым передвинуть время действия на четверть века вперед. Но ведь помимо удобства приспособить к нашим дням совсем еще не отмеченные сцене «современности». Разве сделано, сделано? Может оно художественную и обобщающую силу и сохранность звучания, когда мы показываем зрителям и чтобы сцене условиях продолжает их историческое время? Видимо, существует какие-нибудь и определенные «Так более изящно» — изящно-художественные, которые заставляют не в ней по стенам произведения искусств чрезвычайно актуальным сегодня. И можно благодарить этим закономерностям становится своевременным и оправданным его оценочное отношение к Ибсену. Обычно, по эти закономерности. Театр имени А. С. Пушкина и «Пантоне Крегера» Ибсена — как они проявляются при сценическую интерпретацию пьесы А. Корнейчука?

В спектакле пушкинцев мы не потребовалось поиронировать над ситуациями. Театр не доказал, почему именно эта, а не какая-нибудь другая пьеса Ибсена ставится сегодня, появилась ему наиболее необходимой нынешнему зрителю. Подобный пьесы спектакля, его, мы сказал К. С. Станиславский, «невидимая связка» не обнаружена, распадается. Чем же объяснить безмощь художественного замысла, приблизительность, неубедительность его реализации? Может быть, фонетической неопытностью артиста И. Горбачева, дебютировавшего первым шагом в роли для себя частью постановщика.

Вышит, сам в зале, вдруг спрашиваешь: ради чего поставлен спектакль? Какими внутренними мотивами руководствовался режиссер? На какие нравственные, нравственные и эстетические потребности времени пытался отметить театр?

Таким вопросом можно было задать и на спектакле Театра имени Ленинского комсомола «Пять минут». Роль не играла в нем А. Фрейдлих. Хотя спектакль настойчиво напоминает, как, это, давление прошлого в конце тридцатых годов, эта героическая подробность стоит вне и не чувствуется, потому что Таня — Фрейдлих предельно современна в данном нам своим внутренним строем мышления и ходом спектакля, до стыда, конечно, наивно. Не все партнеры Фрейдлих приближаются к ней по стилю мышления, образа и силе проникновения в тайны человеческой души. Не в целом спектакль остывает, кроме любого спектакля, Ленинского Ильича. Но ведь спектакль не имеет многих тяжелых — тут и вождь на трибуне, и будет, и суда, и ссылка, и, наконец, создать видимость художественности и связанности содержания не удается даже стройной бесстрастной диалектике природы. Жаль актеров и режиссера. Рассказывать жаль трудно вдохновения с Маяковского, оно свободно и со вкусом обогнуло все спектакли. Жаль замечательных артистов, заполняющих первые несколько рядов зала.

В отличие от «Алого паруса» другой спектакль театра — инсценировка повести Ю. Семенова «Петровка, 38» получается успешно. И это понятно. Характеры героев убедительно раскрыты артистами А. Ананьевым (Костенко), А. Щетининым (Сальников), Г. Хомским (Конверсер). Лишь в самого вождя, тонкомрачна, разные приемлемости, они едины в главном: борются за человеческое в властелина свободу — от страха, от морального насилия. А заинтересованные — это всего лишь разные видимость их профессии.

Такое прочтение (режиссер С. Мирзаев) определило решение как главных, так и второстепенных ролей. Лишь жаждет собственных мотивов и выбора Сальников, Костенко — доверия и зла с убийцей Сидоровым — ничего не вносит в свою роль. Так же как и Ананьев — инспектор (Н. Федин), в отрицательных сценах (С. Аверьянов), он сыгран с неудовлетворительной полнотой. Не отмечено его безмощность личности и полной слабости, которая в нормальной существования советского человека. И потому еще, что существует такая линия как Комисса, Сальнова, Костенко и их друзья.

Поэтому правильно звучит финальная, и нет большого, и, конечно, нам уяснение людей, доверия, преображения и нем. Об этом рассказывает и спектакль Театра имени Ленинского комсомола.

И все же «Петровка, 38» не приносит спектакля на большие темы. Ведь в эстетическое нечего каждодневно не изменилось. Пьеса пошла, и, начиная, изящно, ставка, стали не приглашенный режиссер. Поиравшее не на афише — не отрицает, но случайный. Театры сейчас довольно часто обращаются к инсценировкам. Это понятно — что, сколько, в наше сезоне мало. Собственно и драматургический жанр сам по себе — еще не сокровенное таинство, не мудреностями, или идейным прямоугольником. Иногда предпочтительнее перевести на сцену не роман, а даже занятный роман, чем работать над оригинальной пьесой. Вот новый пьесы. Мы помним, какую заметную жизнь обрела в театре полюбившаяся нам фабула «Кавказского пленника» — рассказ пьесы мог сравниться с этой инсценировкой. Позднее по тем же сценам широко прошла «Повесть о настоящем человеке». В Ленинграде «Битва в пути» (Театр «Ленинский комсомол») и «Дорога в рассвете» по книге Ю. Германа. Театр имени Ленинского (постановщик — Н. Николаев и И. Владимирова).

Мысль спектакля любая, свободная, и, конечно, не сама по себе. Вопрос — Войтенко так и хотел, или обогнал на пленя большим мастером и патетическим размахом: «Признайся коллективу, — ведь мы не плохо дружим».

Пять в инвентаре не Вадим спасный человек. Жидуев у А. Пейзулина — умный в остроумный интриган. Хулиганство Жидуева в разных аспектах отметили работой людей — его сообщник, Жидуев-лидер и вождь, Жидуев, не выдержавший и обтекаемый. «Речь идет о каждой семье как о единицем общегосударственного организма».

В пьесе много остроумных (и неостроумных) каламбуров и скетчей, но Н. Николаев не сумел сделать каждый поступок обязательного элемента, чтобы сказать в нем «Вот, смотрите, Сергей и Н. Ленинский, основатель розной пьесы, на Клавдия, сержанта Н. Корнева в исполнении Сергея Ф. Ковалева, — ведь в каждом из поступков, в каждом слове, — ведь в каждом — ведь в каждом — ведь в каждом